УДК 327.2(519.3:519.5) + 339.92 + 351.746

Г. Н. Валиахметова
Е. М. Сычева

РОЛЬ КЭСОНСКОГО ПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА В ПРОДВИЖЕНИИ МЕЖКОРЕЙСКОГО ДИАЛОГА

В статье рассматривается вклад Кэсонской промышленной зоны в продвижение межкорейского диалога. Авторы приходят к выводу о том, что, несмотря на закрытие Кэсона в феврале 2016 г., в краткосрочной перспективе следует ожидать возобновления его работы. По мнению авторов, власти Республики Корея и КНДР будут придерживаться прагматического подхода в решении вопроса о межкорейском урегулировании, а экономические преимущества совместного сотрудничества в рамках Кэсонского проекта перевесят политические противоречия между двумя корейскими государствами. Исследование выполнено в рамках междисциплинарного подхода.

Ключевые слова: Кэсонский промышленный комплекс, Корейский полуостров, КНДР, Республика Корея, межкорейское урегулирование, ядерные испытания, региональная безопасность.

Вопрос об объединении двух корейских государств — КНДР и Республики Корея — сохраняет свою исключительную актуальность уже более 70 лет. В реалиях XXI века — века глобализации, незавершенности процесса переформатирования системы международных отношений и т. д. — традиционные, порожденные холодной войной угрозы глобальной и региональной безопасности, исходящие с Корейского полуострова, стремительно дополняются новыми, затрагивая жизненные интересы не только непосредственных участников межкорейского конфликта, но и многих других стран, в первую очередь России. В этой связи проблема налаживания конструктивных отношений между Сеулом и Пхеньяном остается одной из ключевых в международной повестке дня. Последнее десятилетие надежды мирового сообщества на примирение Северной и Южной Кореи в значительной степени связаны с успешностью реализации Кэсонского проекта.

Кэсонский промышленный комплекс (КПК) — первый и пока единственный успешный совместный экономический проект КНДР и Республики Корея. Его создание в 2004 г. стало результатом политических решений первого Межкорейского саммита 2000 г., который заложил основы для конструктивного диалога между Сеулом и Пхеньяном. В Кэсоне были развернуты крупные производства трудоемких товаров с использованием капитала, новейших технологий, техники и менеджмента Республики Корея, дешевой рабочей силы и земли — КНДР. К концу 2015 г. на 124 южнокорейских предприятиях, расположенных в этой тщательно охраняемой зоне, были задействованы порядка 55 тыс. северокорейских рабочих [11]. Продукция Кэсона представлена преимущественно товарами текстильной промышленности, а также машиностроения, электроники, пищевой, химической и ряда других отраслей.

Однако в начале 2016 г. взаимовыгодное экономическое сотрудничество КНДР и Республики Корея в рамках Кэсонского проекта оказалось под угрозой срыва.

© Валиахметова Г. Н., Сычева Е. М., 2016

12 февраля южнокорейское Министерство объединения, которое занимается вопросами воссоединения Кореи, заявило о закрытии комплекса в связи с обострением ситуации на Корейском полуострове [12]. Южная Корея остановила имеющиеся в Кэсоне производства, приступила к эвакуации оттуда своих граждан, прекратила подачу электроэнергии и перекрыла водоснабжение на территории технопарка. В ответ КНДР объявила территорию комплекса военной зоной и заморозила все южнокорейские активы в Кэсоне, включая сырье, готовую продукцию и оборудование [10].

Как известно, 6 января 2016 г. Северная Корея провела очередные, четвертые по счету, ядерные испытания, а спустя месяц, 7 февраля, осуществила запуск ракеты-носителя с искусственным спутником Земли. Действия Пхеньяна вполне предсказуемо вызвали резкую критику со стороны мирового сообщества. Вместе с тем в политических и экспертных кругах мира развернулись острые дискуссии о целесообразности закрытия Кэсонского комплекса и перспективности Кэсонского проекта с точки зрения продвижения межкорейского диалога.

Наиболее фундаментальные и многоаспектные исследования по рассматриваемой проблематике представлены трудами экспертов из Южной Кореи, которые отличаются своей прикладной, преимущественно экономической, направленностью. В центре внимания южнокорейских аналитиков — ключевые проблемы развития Кэсонской промзоны и гармонизации законодательства двух государств в рамках данного проекта (Ким Ян Су, Ян Хэ Суль [25]); специфика управления предприятиями южнокорейскими менеджерами, пути расширения отраслевой структуры и товарооборота Кэсона (Им Ыль Чуль [16]); роль и место Кэсона в экономике АТР, специфика и преимущества использования северокорейской рабочей силы, динамика экономических показателей (Су Дэ Хун [23]). Акцент на экономическую составляющую Кэсонского проекта характерен и для американских исследователей южнокорейского происхождения (Чон Хён Гон [15]).

Работы американских экспертов по Кэсону (М. Маньин, Д. Нанто, Б. Уильямс, М.Ноланд [17–19, 24]) также имеют ярко выраженный прикладной характер. Однако, в отличие от южнокорейских исследований, американский анализ экономической составляющей кэсонской проблемы неизменно нацелен на разработку прогнозных сценариев развития межкорейских отношений в рамках Кэсонского проекта и подготовку конкретных рекомендаций для Госдепартамента США по актуальным вопросам политики Вашингтона на Корейском полуострове.

Для российского научного сообщества кэсонская проблематика является относительно новой и не представлена пока внушительным количеством исследований. В числе ведущих российских экспертов по Кэсону следует отметить известных кореведов А. Ланькова [5, 6] и Л. Захарову [2, 3]. Их труды отличаются не только стремлением соблюсти баланс между экономическими и политическими аспектами изучаемой проблемы, но и рассмотреть вопрос через призму социокультурного взаимовлияния КНДР и Республики Корея, создания взаимного положительного образа и доверительной психологической атмосферы в отношениях между Сеулом и Пхеньяном.

В целом в мировом экспертном сообществе нет единства мнений по вопросу о роли Кэсонского проекта в продвижении межкорейского диалога. Объективный

анализ проблемы затрудняют ее чрезвычайно высокая политизированность, отсутствие доступа исследователей к северокорейским источникам, относительно низкая прогнозируемость действий Пхеньяна на международной и региональных аренах и т. п. Вместе с тем наличие довольно обширного комплекса документов и материалов, публикуемых в Южной Корее по Кэсону, и многоаспектный характер кэсонского вопроса оставляют довольно широкое поле для дальнейших исследований. Данная статья является попыткой внести свой вклад в дискуссию о том, способен ли Кэсонский проект вывести процесс межкорейского урегулирования на качественно новый уровень и является ли решение Сеула о закрытии Кэсонского технопарка в феврале 2016 г. окончательным и бесповоротным.

Вопрос о закрытии Кэсона ставился неоднократно. В связи с конфликтом вокруг южнокорейского корвета «Чхонан», потопленного 26 марта 2010 г. предположительно в результате атаки северокорейской подводной лодки, власти КНДР пригрозили остановить деятельность промзоны. При таком сценарии, однако, Пхеньян терял как минимум 40 млн долларов, получаемых напрямую из Сеула для оплаты труда северокорейских рабочих. Экономический урон для Южной Кореи мог составить порядка 500 млн долларов с учетом страховых выплат компаниям-резидентам, вынужденным свернуть свое производство в Кэсоне. Оценив возможные убытки, власти КНДР и Республики Корея решили воздержаться от закрытия комплекса [7].

3 апреля 2013 г. в ответ на санкции Республики Корея и западных стран в связи с проведением в КНДР в феврале того же года третьих ядерных испытаний Пхеньян остановил работу Кэсонского комплекса и закрыл южнокорейскому персоналу доступ в промзону. Однако утратив крупную статью валютных доходов, власти КНДР уже в августе заявили о готовности возобновить работу технопарка [4]. 16 сентября 2013 г., после длительных и напряженных переговоров между Севером и Югом, Кэсон заработал вновь.

В начале 2016 г. Сеул не планировал прекращать сотрудничество с Пхеньяном в рамках Кэсонского проекта. Первоначально в качестве ответной меры на ядерное испытание Сеул в январе 2016 г. сократил численность южнокорейского персонала в Кэсоне с 803 до 650 человек, а также прекратил гуманитарную помощь КНДР. В феврале, после ракетного запуска, еще 150 южнокорейцев покинули комплекс [28].

В политических кругах Республики Корея развернулись дискуссии о целесообразности следующего шага — полного закрытия промзоны. Президент страны Пак Кын Хе и консерваторы в лице правящей на тот момент партии Сэнури настаивали на прекращении деятельности КПК, ссылаясь на то, что развитие Кэсона способствует росту валютных доходов КНДР и соответственно финансовых вложений Пхеньяна в свою ядерную программу [21, 30]. Позиция консерваторов подкреплялась поддержкой внешнеполитических союзников Южной Кореи в лице США и Японии, которые в феврале 2016 г. объявили о введении в отношении Пхеньяна дополнительных санкций. В частности, США ввели ограничительные меры, предусматривающие уголовную ответственность за продажу КНДР военных технологий, товаров или информации. Япония приостановила выдачу виз северокорейским гражданам и закрыла допуск в свои порты северокорейским

кораблям [20]. Оппозиционная демократическая партия Тобуро, которая получила парламентское большинство лишь после выборов в апреле 2016 г., категорически возражала против закрытия комплекса, указывая на неизбежный для такого сценария удар по экономическим позициям южнокорейских компаний-резидентов [27].

Действительно, за 11 лет работы Кэсона в эту промзону были привлечены значительные инвестиции и проделана внушительная работа по гармонизации законодательств двух корейских государств. По подсчетам экономистов, в 2015 г. кэсонские предприятия произвели продукцию на сумму более 500 млн долларов, тогда как еще в 2005 г., в первый год работы Кэсона, эта цифра не превышала 15 млн долларов. В целом за период 2005–2014 гг. иностранные компании — резиденты Кэсона — выпустили товары общей стоимостью в 3,185 млрд долларов [11].

В 2014 г. Корейское агентство по содействию торговле и инвестициям (*KOTRA*) провело исследование среди 27 действующих и 188 потенциальных инвесторов Кэсонского комплекса из 16 стран мира на предмет его инвестиционной привлекательности. Согласно результатам опроса в качестве ключевых преимуществ технопарка были обозначены дешевая рабочая сила (33 % респондентов), низкая арендная плата (22 %), налоговые льготы (21 %) и выгодное с точки зрения логистики расположение в Северо-Восточной Азии (11 %). Примечательно, что инвесторы из Северной Америки и Европы в качестве главного стимула к расширению сотрудничества с КНДР в рамках Кэсонского проекта выделили дешевую рабочую силу, в то время как китайские и японские респонденты сделали акцент на налоговых льготах и выгодном географическом расположении промзоны [26].

Наличие дешевой и относительно высококвалифицированной рабочей силы довольно часто фигурирует в перечне факторов инвестиционной привлекательности Кэсона. Согласно Акту о Кэсонском промышленном комплексе, базовому правовому документу, регулирующему деятельность технопарка, основным трудовым ресурсом выступают высококвалифицированные северокорейские рабочие; в функции сравнительно малочисленного южнокорейского персонала входят общие вопросы управления и контроль за выполнением производственного плана [13].

Ввиду отсутствия доступа исследователей к статистическим данным КНДР вопрос об оплате труда северокорейских рабочих порождает множество дискуссий. Согласно трудовым нормам Кэсона заработная плата рабочего состоит из основного жалованья, отпускных, сверхурочных и премиальных. Минимальный оклад в Кэсоне в 2006 г. составил 50 долларов в месяц при 48-часовой рабочей неделе, и, несмотря на его обязательное ежегодное увеличение на 5 % [Там же], к концу 2014 г. он не превышал 70 долларов, оставаясь самым низким в Южной и Восточной Азии. (Для сравнения: минимальный размер оплаты труда в 2014 г. в аналогичных промзонах в Бангладеш составлял порядка 86 долларов, во Вьетнаме — 121, в Лаосе — 137, в Индии — 200, в Индонезии — 241, в Монголии — 318 [23].)

Однако на практике доходы северокорейских рабочих Кэсона не соответствуют заявленным 70 долларам, так как система налогообложения КНДР существенно сокращает их реальный размер: 30 % перечисляется государству в качестве «взносов на социокультурную политику», 15 % — на социальное страхование [3, *133*].

Более того, заработную плату северокорейские рабочие получают не напрямую от своих работодателей, а через правительство КНДР, так как соответствующие финансовые средства в долларах перечисляются из Сеула на счет Центрального управления КНДР по развитию специальных зон. Как заявляет Пхеньян, 45 % полученной суммы направляется на повышение квалификации работников, строительство жилых помещений, медицинское обслуживание и другие социальные программы. Оставшиеся средства выплачиваются рабочим частично деньгами в северокорейских вонах, причем официальный обменный курс в КНДР в несколько раз ниже коммерческого, а также в форме купонов на приобретение товаров в магазинах. В итоге заработная плата северокорейского рабочего значительно ниже заявленной [3, *134*].

Эксперты не без оснований предполагают, что деньги, адресованные северокорейским рабочим, перераспределяются Пхеньяном на финансирование военных, в том числе ядерных, программ [15]. Учитывая специфику внешней политики Северной Кореи и активное развитие ее ядерного потенциала, такое предположение видится резонным, но доказать это документально на сегодняшний день не представляется возможным. Авторитетный российский кореевед А. Ланьков настроен менее критично. Он отмечает, что по северокорейским меркам жалованье рабочих в Кэсоне — весьма внушительная сумма, так как, согласно официальным данным КНДР, средняя зарплата в стране составляет порядка 2 долларов в месяц, а реальный доход — не более 10–15 долларов. (Разница между формальными и реальным доходами связана с высокой степенью распространения в КНДР черного рынка и теневой экономической деятельности.) Более того, в Кэсоне зарплату выплачивают регулярно, в отличие от остальной части КНДР. Южнокорейские компании-резиденты также снабжают северокорейских рабочих питанием и предоставляют медицинские услуги [5].

С точки зрения южнокорейских инвесторов, северокорейские рабочие Кэсона, помимо низкой стоимости их труда, быстрой обучаемости и дисциплинированности, имеют ряд других конкурентных преимуществ на рынках рабочей силы Восточной Азии. Прежде всего, они являются носителями корейского языка, как и их работодатели, что теоретически должно повышать эффективность производственного процесса и способствовать активной межкультурной коммуникации его участников. Однако для Северной Кореи общий язык является скорее проблемой: Пхеньян опасается распространения в обществе чучхе «пагубных» западных идей и антиправительственных настроений. Поэтому взаимодействие северян с южанами в Кэсоне крайне ограничено, любые контакты тщательно контролируются спецслужбами КНДР [19]. Отсутствие доступа к глобальной сети Интернет на территории Северной Кореи, в том числе в Кэсоне, также значительно тормозит производственный процесс [26].

Тем не менее «тлетворное влияние» Запада уже возымело свой эффект, и процесс межкорейского взаимодействия на низовом уровне набирает обороты. Северокорейские рабочие Кэсона объективно вовлекаются в рыночные отношения, например, получая бонусы за сверхурочную работу или рационализаторские предложения. В Кэсоне даже существует свой символ капитализма — печенье Choco Pie, производимое южнокорейской корпорацией Lotte и ставшее своеобразной

валютой не только на территории комплекса, но и по всей стране. Печенье выдают северокорейскому персоналу Кэсона в качестве платы за переработанные часы (по сути, работа за еду); оно полюбилось всем северянам и стало средством натурального обмена на черном рынке страны [9]. Очевидно, что с точки зрения Пхеньяна в группу «риска» помимо 55 тыс. северокорейских рабочих Кэсона попадает круг их общения (члены семей, друзья), тем самым количество рядовых граждан КНДР, лояльных к рыночным отношениям и Южной Корее, увеличивается в разы.

Для малых и средних предприятий Южной Кореи, которые преимущественно представлены в Кэсоне, инвестиционная привлекательность технопарка обусловлена, кроме того, предоставляемыми Пхеньяном налоговыми льготами, относительно низкими расценками на аренду земли и выгодным с точки зрения логистики расположением Кэсона. В 50 км от промзоны находится г. Инчхон, международный аэропорт и морской порт которого входят в число крупнейших транспортных развязок Восточной Азии.

Изначально правительство КНДР выделило южнокорейским компаниям-разработчикам, среди которых государственная Корейская земельная корпорация и крупная финансово-промышленная группа (чеболь) «Хёндэ Асан», землю в аренду на 50 лет [13] за 16 млн долларов с возможностью последующего продления срока аренды. Компаниям-субарендаторам, в свою очередь, была предоставлена возможность бесплатно пользоваться землей в течение 10 лет, а затем выплачивать ежемесячную арендную плату в размере 41 доллар за квадратный метр. Для сравнения: этот показатель в аналогичных индустриальных зонах Восточной Азии составляет 270–390 долларов в Циндао (КНР) и 260 долларов в Дананге (Вьетнам) [23].

Система налогообложения в Кэсоне освобождает иностранные предприятия от уплаты налога на прибыль (корпоративного налога) в течение первых пяти лет. Следующие три года налоговая ставка составляет 7 % прибыли, а с девятого года закрепляется на уровне 14 %. Дополнительные налоговые льготы получают проекты в сфере строительства транспортной инфраструктуры, легкой промышленности и высоких технологий; налог на прибыль таких предприятий снижается до 10 % [13]. Подобный режим «налоговых каникул» в Кэсоне позволяет южнокорейскому среднему и малому бизнесу, не выдерживающему конкуренции с чеболь у себя на родине, избежать значительных производственных издержек, снизить стоимость товара и сделать его более конкурентоспособным на мировых рынках.

Несмотря на очевидные инвестиционные преимущества, продвижению южнокорейского и в целом международного сотрудничества с КНДР в рамках Кэсонского проекта сопутствует целый комплекс экономических и политических рисков: 74 % участников вышеупомянутого опроса, проведенного KOTRA в 2014 г., отметили, что ключевым камнем преткновения на пути к запуску собственного производства в Кэсоне является неоднозначная и слабопредсказуемая политика Пхеньяна на мировой и региональной аренах; 23 % респондентов акцентируют внимание на ядерной программе КНДР, 13 % — на спорах вокруг определения страны-производителя кэсонских товаров, 11 % — на вопросах межкультурной коммуникации [26].

Очевидно, что международный кризис вокруг ядерной программы КНДР является серьезным препятствием для межкорейского урегулирования. С 1998 г. КНДР, которая провела уже четыре ядерных испытания (в 2006, 2009, 2013, 2016 гг.), остается единственной в мире страной, игнорирующей призывы мирового сообщества к ядерному разоружению. Несмотря на международные санкции, Пхеньян не намерен сворачивать свои ядерные программы, о чем, в частности, свидетельствует опубликованный 26 марта 2016 г. на платформе YouTube северокорейский видеоролик «Последний шанс», где с помощью компьютерной графики смоделирован ядерный удар КНДР по Вашингтону с комментариями о том, что в случае провокаций со стороны США Пхеньян без колебаний применит ядерное оружие [29]. Откажется ли КНДР от своей ядерной программы? Подавляющее большинство экспертов дают отрицательный ответ. Для нынешнего руководства Северной Кореи ядерное оружие выступает не только гарантией национальной безопасности страны, но и залогом сохранения власти клана Ким, а также главным инструментом давления на мировое сообщество с целью получения экономической и гуманитарной помощи.

Подобная позиция Пхеньяна в ядерном вопросе, с одной стороны, вполне естественно влечет за собой ужесточение санкций со стороны Совбеза ООН, но, с другой, работает на интересы Северной Кореи, которая после каждого ядерного испытания неизменно получает экономическую и гуманитарную помощь из-за рубежа. И если США время от времени могут отказывать Пхеньяну в финансовой поддержке, то, например, Китай продолжает ее осуществлять. По оценкам экспертов, доля КНР в оказании Северной Корее экономической помощи составляет от 30 до 70 % [8]. Налицо политика двойных стандартов со стороны ряда стран — участниц «корейской шестерки» (КНДР, Республика Корея, Китай, Япония, США, Россия): ужесточение экономических санкций сочетается с оказанием экономической и гуманитарной помощи КНДР. Пхеньян, по сути, соглашается на роль «вселенского зла» при условии соответствующего финансирования со стороны ключевых игроков мировой политики.

Вместе с тем Республика Корея заинтересована в стабилизации отношений со своим северокорейским соседом с учетом экономических и, главное, людских потерь в случае перехода межкорейского политического противостояния в вооруженную фазу. При этом Юг весьма осторожен в обсуждении перспектив объединения с Севером в связи с колоссальным экономическим разрывом между двумя странами: ВВП Республики Корея в 35 раз превышает показатели КНДР [1]. Объединение Корейского полуострова в единое государство повлечет за собой внушительные материальные затраты (по различным оценкам, от 500 млрд до 3 трлн долларов [Там же]) и дестабилизацию социально-политической обстановки, что чревато непредсказуемыми последствиями как для обоих корейских государств, так и для системы региональной безопасности в Северо-Восточной Азии. Очевидно, что в сложившихся условиях путь к конструктивному диалогу между Севером и Югом лежит в сфере практической реализации совместных экономических проектов, первым и пока единственным из которых остается Кэсон.

В числе других факторов, снижающих инвестиционную привлекательность Кэсона, остаются споры вокруг маркировки страны-производителя кэсонских

товаров. Согласно межкорейским договоренностям, если кэсонская продукция реализуется в Южной Корее или третьих странах и южнокорейская компания вложила в нее более 60 % своего сырья, она подлежит маркировке «Made in Korea» [14]. В данном случае важно понимать, что отметка «Made in Korea» вовсе не говорит о том, что две страны пришли к компромиссу и исключили «North» и «South» из контекста своего бренда. Во всем мире английское «Korea» употребляется исключительно по отношению к Южной Корее, тогда как продукция Северной Кореи сопровождается маркировкой «Made in DPRK». На практике в большинстве случаев довольно сложно определить долю ресурсов, вложенную в конечный продукт каждой из сторон.

Очевидно, что, ввиду наличия существенных рисков, крупный бизнес Южной Кореи и других стран не готов идти в Северную Корею. Периодические политические провокации Пхеньяна существенно влияют на производительность и имидж компаний-резидентов и, как правило, влекут за собой колоссальные экономические убытки. Вместе с тем средние и малые предприятия Южной Кореи активнее запускают свое производство в Кэсонской промзоне в силу наличия там дешевой высококвалифицированной рабочей силы, низкой арендной ставки и благоприятного налогового климата. Малый и средний бизнес Южной Кореи активно ищет возможности вывода своих производств в другие страны Восточной и Южной Азии, а Сеул предоставляет гарантии и страхует южнокорейский бизнес в Кэсоне. Иными словами, Кэсонский промышленный комплекс является своеобразной стартовой площадкой для малых и средних предприятий Юга, где они получают реальную возможность развиваться.

Несмотря на закрытие Кэсонской промзоны в феврале 2016 г., вопрос о ее функционировании еще далек от окончательного решения. 9 мая 2016 г. компании — резиденты Кэсона обратились в Конституционный суд Республики Корея с иском о возмещении ущерба на сумму 663 млн долл. против южнокорейского правительства, которое, по их мнению, закрыв КПК, нарушило их права собственности. Согласно Акту о КПК южнокорейское правительство обязуется страховать южнокорейские компании, размещающие свое производство в Кэсоне, и выплачивать им крупные компенсации в случае прекращения работы комплекса [13]. Южнокорейские бизнесмены намерены доказать факт превышения полномочий правительством Республики Корея, которое без предупреждений закрыло КПК [22].

Таким образом, несмотря на обострение обстановки на Корейском полуострове, оба корейских государства заинтересованы в продолжении экономического сотрудничества в рамках Кэсонского проекта. Для Пхеньяна исключительно важны валютные поступления. Для северокорейских рабочих Кэсон остается единственным шансом обеспечить доход своим семьям. Для южнокорейских компаний-резидентов в лице малых и средних предприятий перспективы развития в своей стране остаются ограниченными на фоне монополизации рынка Южной Кореи крупнейшими корпорациями (чеболь), тогда как Кэсон сохраняет свою инвестиционную привлекательность. Для Сеула Кэсонский проект не утратил своей перспективности не только как действенный инструмент межкорейского урегулирования и «мягкой силы» Южной Кореи, но и как реальная возможность

вовлечь как можно больше северокорейцев в рыночные отношения и межкорейский диалог.

Сегодня преждевременно говорить об окончательном завершении Кэсонского проекта: с высокой долей вероятности экономический прагматизм главных участников конфликта — КНДР и Республики Корея — возобладает над политическими императивами. Исторический опыт свидетельствует о том, что экономика приходит на помощь государству в сферах, где дипломатия оказывается бессильной. На наш взгляд, развитие экономического сотрудничества между КНДР и Республикой Корея в рамках Кэсонского проекта способно вывести межкорейский диалог на качественно новый уровень при условии отсутствия постановки политического вопроса об объединении двух корейских государств, который с началом работы Кэсонской промзоны в 2004 г. и Сеул, и Пхеньян продолжают старательно обходить.

---

1. *Валль А.* Северная Корея: двойная игра США? // ИноСМИ. 08.04.2013 [Электронный ресурс]. URL: http://inosmi.ru/world/20130408/207833099.html (дата обращения: 27.03.2016).

2. *Захарова Л.* Внешнеэкономические связи КНДР в XXI веке и перспективы их развития при Ким Чен Ыне // Проблемы Дальнего Востока. 2013. № 4. С. 82–97.

3. *Захарова Л.* Межкорейские экономические отношения: от истоков до современности. М., 2014.

4. КНДР и Республика Корея обсудили пути нормализации работы Кэсонского комплекса // Балтийское информационное агентство. 07.07.2013 [Электронный ресурс]. URL: http://www.baltinfo.ru/2013/07/07/KNDR-i-Respublika-Koreya-obsudili-puti-normalizatcii-raboty-Kesonskogo-kompleksa-365480 (дата обращения: 14.04.2016).

5. *Ланьков А.* Есть ли будущее у Кэсонского промышленного комплекса? // Сеульский вестник. 01.04.2009 [Электронный ресурс]. URL: http://vestnik.kr/articles/articles_expert/3695.html (дата обращения: 30.03.2016).

6. *Ланьков А.* Человек вождя: как живут бизнесмены в Северной Корее // The Village. 14.04.2014 [Электронный ресурс]. URL: http://www.the-village.ru/village/business/how/157155-severnaya-koreya (дата обращения: 26.04.2016).

7. Политические последствия инцидента с южнокорейским корветом «Чхонан» // РИА-Новости. 13.07.2010 [Электронный ресурс]. URL: http://ria.ru/trend/consequences_incident_corvette_Korea_24052010/ (дата обращения: 14.04.2016).

8. США поговорят с КНДР по-китайски // КоммерсантЪ. 25.03.2005 [Электронный ресурс]. URL: http://www.kommersant.ru/doc/556939 (дата обращения: 27.04.2016).

9. Choco Pie-filled balloons launched at North Korea // USA Today. 31.07.2014 [Electronic resource]. URL: http://www.usatoday.com/story/news/world/2014/07/31/south-korea-choco-pies-north-korea/13414039/ (accessed: 17.04.2016).

10. Critical changes: why Kaesong complex cannot continue operations // The Dong-a Ilbo. 15.02.2016 [Electronic resource]. URL: http://english.donga.com/Home/3/all/26/525406/1 (accessed: 17.04.2016).

11. GIC Overview // Gaeseong Industrial District Foundation [Electronic resource]. URL: https://www.investgic.org:4433/en/contents.do?menuNo=100070 (accessed: 07.04.2016).

12. Government Stance regarding the Gaeseong Industrial Complex // Ministry of Unification. Republic of Korea. 12.02.2016 [Electronic resource]. URL: http://eng.unikorea.go.kr/content.do?cmsid=1834&cid=44443&mode=view (accessed: 17.04.2016).

13. Gaeseong Industrial Complex Act. 20.11.2002. Laws and regulations for GIC // Gaeseong Industrial District Foundation [Electronic resource]. URL: https://www.investgic.org:4433/

en/bbs/view/B0000012/198.do?searchCnd=&searchWrd=&cateTp1=&cateTp2=&useAt=&menuNo=100087&categorys=0&subcate=0&cateCode=&type=&instNo=0&questionTp=&uf_Setting=&recovery=&pageIndex=1 (accessed: 27.04.2016).

14. Investment system // Gaeseong Industrial District Foundation [Electronic resource]. URL: https://www.investgic.org:4433/en/contents.do?menuNo=100068 (accessed: 27.03.2016).

15. *Jeong Hyung-gon.* Economics of the Kaeson Industrial Complex // North Korea's Economic Development and External Relations [Electronic resource]. URL: http://www.keia.org/sites/default/files/publications/16.Jeong.pdf (accessed: 20.04.2016).

16. *Lim Eul Chul.* Capacity Building at the Kaesong Industrial Complex: Implications for North Korea's Economic Zones // International Journal of Korean Unification Studies. 2013. Vol. 22, № 2. P. 91–113.

17. *Manyin M., Nanto D.* The Kaesong North-South Korean Industrial Complex // Congressional Research Service. 18.04.2011 [Electronic resource]. URL: http://fas.org/sgp/crs/row/RL34093.pdf (accessed: 03.05.2016).

18. *Noland M.* Labor Standards and South Korean Employment Practices in North Korea // US-Korea Institute at SAIS [Electronic resource]. URL: http://uskoreainstitute.org/wp-content/uploads/2014/03/USKI_Report_Labor_in_NK_MNoland031114.pdf (accessed: 03.05.2016).

19. *Noland M.* See No Evil: South Korean Labor Practices in North Korea // The East-West Center. 2014 [Electronic resource]. URL: http://www.eastwestcenter.org/system/tdf/private/api113.pdf?file=1&type=node&id=34555 (accessed: 03.05.2016).

20. North Korea closes Kaesong Industrial Zone after South pull out // North Korea Tech. 11.02.2016 [Electronic resource]. URL: http://www.northkoreatech.org/2016/02/11/north-korea-closes-kaesong-industrial-zone-after-south-pull-out/ (accessed: 17.04.2016).

21. South Korea accuses North Korea of using money from joint factories for weapons programs. 14.02.2016 [Electronic resource]. URL: https://asiancorrespondent.com/2016/02/south-korea-accuses-north-korea-of-using-money-from-joint-factories-for-weapons-programs/ (accessed: 17.04.2016).

22. South Korean firms challenge Kaesong closure in court // Channel New Asia. 10.05.2016 [Electronic resource]. URL: http://www.channelnewsasia.com/news/business/south-korean-firms/2770432.html (accessed: 20.05.2016).

23. *Suh Dae-hoon.* Analysis of Business Operations at Kaesong Industrial Complex // Korea Focus [Electronic resource]. URL: http://www.koreafocus.or.kr/design2/layout/content_print.asp?group_id=105592 (accessed: 12.03.2016).

24. *Williams B., Manyin M.* The U.S.-South Korea Free Trade Agreement (KORUS FTA): Provisions and Implementations // Congressional Research Service. 16.09.2014 [Electronic resource]. URL: https://fas.org/sgp/crs/row/RL34330.pdf (accessed: 03.05.2016).

25. 김양수, 양해술. 개성공단 사업의 추진현황과 효율적 활성화 방안에 관한 연구 (*Ким Ян Су, Ян Хэ Суль.* Исследование о текущем состоянии и эффективности симулирующих мер Кэсонского промышленного комплекса) // Korea Institute of Science and Technology Information (KISTI). 2013 [Electronic resource]. URL: http://ocean.kisti.re.kr/downfile/volume/dpm/DJTJBT/2013/v11n12/DJTJBT_2013_v11n12_69.pdf (accessed: 05.05.2016).

26. 개성공단 가장 큰 매력 (Инвестиционная привлекательность Кэсонского промышленного комплекса) // KOTRA. 2014 [Electronic resource]. URL: http://www.kotra.or.kr/kh/about/KHKICP020M.html?ARTICLE_ID=3002596&RowCountPerPage=50&Page=1&SEARCH_TYPE=SJCN&SEARCH_VALUE=%EB%B6%81%ED%95%9C&MENU_CD=&TOP_MENU_CD=&LEFT_MENU_CD=&PARENT_MENU_CD (accessed: 12.04.2016).

27. 개성공단 중단 '잘했다 47.5 % vs 잘못했다 44.3 %' 팽팽 (Закрытие Кэсонского промышленного комплекса: 47,5 % «за», 44,3 % «против») // Vote 2016 [Electronic resource]. URL: http://vote2016.co.kr/research/view?idx=173 (accessed: 22.05.2016).

28. 개성공단 중단 – 북한 경제에 얼마나 영향 미칠까 (Повлияет ли закрытие Кэсонского промышленного комплекса на экономику Северной Кореи) // Yonhap News. 10.02.2016 [Electronic resource]. URL: http://www.yonhapnews.co.kr/bulletin/2016/02/10/0200000000AKR20160210069500014.HTML (accessed: 12.04.2016).

29. 마지막 기회 (Последний шанс) // YouTube. 26.03.2016 [Electronic resource]. URL: https://www.youtube.com/watch?v=DbOYRLlhIP4 (accessed: 27.04.2016).

30. “위기 돌파구 힘은 국민»...朴대통령 ‘국론결집’ 호소 («Сила для преодоления кризиса — народ», — призывает президент) // Yonhap News. 15.02.2016 [Electronic resource]. URL: http://www.yonhapnews.co.kr/bulletin/2016/02/15/0200000000AKR20160215073600001.HTML (accessed: 07.05.2016).

Рукопись поступила в редакцию 1 июня 2016 г.

УДК 327.2(5-011) + 355.01 + 623.451.74

К. О. Первушина

СПЕЦИФИКА МИЛИТАРИЗАЦИИ СТРАН БЛИЖНЕГО ВОСТОКА В XXI в.

В статье рассматриваются причины и особенности гонки вооружений на современном Ближнем Востоке. Анализ статистических данных экономического и военно-промышленного развития ближневосточных государств позволяет выявить наличие на Ближнем Востоке тенденции к ускоренной милитаризации, которая, в свою очередь, ведет к дестабилизации регионального пространства в целом. Автор приходит к выводу о том, что в обозримой перспективе ставка на военную силу останется одной из ключевых составляющих внешней политики ближневосточных государств ввиду крайне нестабильной международной обстановки в данном регионе.

Ключевые слова: гонка вооружений, милитаризация, военные расходы, Ближний Восток, оружие массового поражения.

В XXI в. военно-политическая сфера остается важнейшей составляющей обеспечения национальной безопасности. Военная сила по-прежнему служит фактором сдерживания и защиты от внешней агрессии, ее реальный потенциал определяет весомость и масштабы воздействия на кризисные ситуации, она также используется в качестве противодействия невоенным и нетрадиционным угрозам национальной и международной безопасности. По сути, в начале XXI в. мир охватила новая гонка вооружений, имеющая качественно новый характер по сравнению с периодом холодной войны и чреватая весьма неоднозначными последствиями. С одной стороны, сам факт наличия гонки вооружений не обязательно предвещает начало военного конфликта и скорее свидетельствует о стремлении государств быть готовыми к отражению современных угроз. Рост военных расходов большинства стран в абсолютных показателях определяется самим ростом их экономик и обновлением устаревших образцов военной техники. Более того, сегодня наличие мобилизационных армий свидетельствует скорее о «догоняющей» модели экономического развития, проблемном состоянии НИОКР и низком военно-техническом потенциале. Действительно тревожным сигналом может служить тенденция увеличения военных затрат за счет сокращения социальных расходов и инвестиций в экономику.

© Первушина К. О., 2016